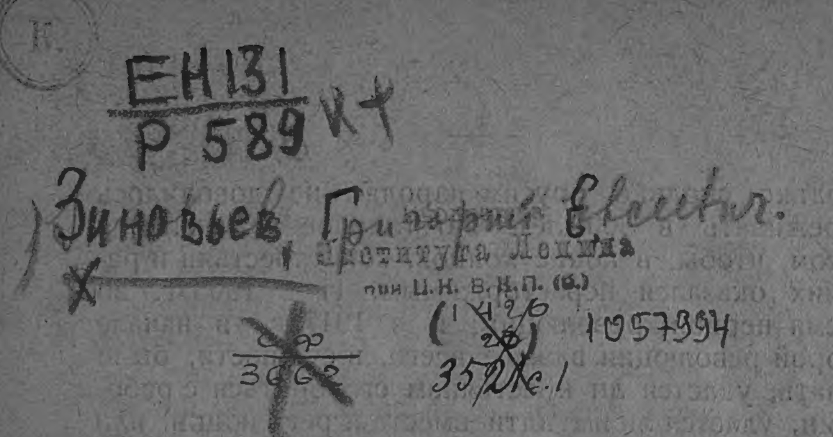
Зиновьев

РЕЧЬ на беспартийной конфер. крест. и раб. 21 апр. 1920

Речь тов. Г. Зиновьева на Беспартийной конференции крестьян и рабочих Петербургской губ. 21 апреля 1920 г.

I.

Через беспартийные конференции.

Товарищи! Рабочие легче организуются, чем крестьяне. Крестьянам же гораздо труднее организоваться, потому что они живут разбросанно, им труднее друг с другом познакомиться, труднее создать крупное и мощное единение. Но как в городах через беспартийные рабочие конференции сплотился весь рабочий класс, так — конечно, не в день, не в два, не в месяц, а в год-два — сплотятся и главные массы трудящихся крестьян для того, чтобы отстаивать свою власть, землю и страну, и сплотятся они через такие же конференции.

II.

Пройденный путь.

Велик уже тот путь, который мы прошли. Мы около трех лет стоим под знаменем Советской власти. И за эти три года наш народ пережил

столько, сколько другим народам не доводилось переживать в 300 лет. Но главное заключается в том, чтобы, в конце концов, союз крестьян и рабочих оказался нерасторжимым. И в 1905 г. во время первой революции, и в 1917 г. в начале второй революции важнее всего, в сущности, было узнать, удастся ли крестьянам сговориться с рабочими, удастся ли им идти вместе к революции, или нет. Потому что было ясно: если удастся, наше дело выиграно; если не удастся, тогда нашим врагам будет не так трудно с нами справиться...

III.

Население России в грубых цифрах.

Население России, в грубых цифрах, можно сказать, распадалось примерно так: миллионов около десяти рабочих, миллионов сто крестьян и несколько миллионов крупной и средней буржуазии. Конечно, нельзя все точно подсчитать и отрезать как бы ножом; много есть средних, промежуточных слоев. Около буржуазии кормилось несколько миллионов прихлебателей, лакеев буржуазии, горой стоявших за нее. Но что касается главных частей нашего населения, то они были такие, как я указал: рабочих в десять раз меньше, чем крестьян. И вот вопрос заключался в том, удастся ли этому десятку миллионов рабочих городских и сельских сговориться с сотней миллионов крестьян.

Само собою понятно, что дело это было вовсе не легкое. Правда, городские рабочие в громадном большинстве случаев вышли из крестьян. Любой наш питерский или московский рядовой рабочий

или сам был связан с деревней, или его отец был связан с деревней. Во всяком случае история шла так, что деревня снабжала города рабочей силой, вчерашний крестьянин превращался сегодня в городского рабочего и т. д.

Стало быть, 10 миллионов городских рабочих вышли из крестьян, но жили они в других условиях. Жили они в городах, часто по несколько тысяч работали на одной фабрике, на одном заводе, в одной мастерской; вываривались в фабричном котле, как говорится. Они видели не только мелкого чинушу, урядника или земского начальника и станового, но видели живьем и министров, и губернаторов, и всю царскую братию видели собственными глазами и наблюдали сами, как в Москве, Петербурге в крупнейших городах наших на одном полюсе сплошная бедность, голодовки, страдания, а на другом — пресыщенность, необычайная роскошь, блаженство. У нас в Питере сейчас еще можно видеть следы этого.

И само собою понятно, что рабочие проходили, поэтому, гораздо более ускоренный курс общественной науки и гораздо скорее учились понимать, откуда это неравенство, откуда это насилие, чем рядовой крестьянин, который в поте лица добывал свой хлеб, жил разбросанно, знал только свою полоску, свой двор, свою волость, во всяком случае, не мог перекинуться с крестьянами всей губернии, был неграмотен, так как его нарочно держали в темноте...

Рабочий стал вождем революции не потому, что он какой-либо особый богопомазанник, не потому, что он особо умный, а просто потому, что он жил в других условиях.

Достаточно сказать, что в Питере было сосредоточено 500.000 рабочих — в одном городе! — и сколько ни следили за ними шпионы и полицейские, все-таки при полумиллионе человек на каждого по шпиону не поставишь; они имели возможность собираться, хотя бы тайно; организовываться, хотя бы нелегально, — и им первым удалось создать какие-нибудь союзы. Крестьян, хотя их было в десять раз больше, держали, как людскую пыль, им не давали сплотиться, их оставляли безграмотными. В Питере—42.000 неграмотных, на население почти в миллион, а в российской деревне на 100 человек дай бог, чтобы было 25 грамотных при 75 неграмотных. Общая наша беда, что в течение 300 лет власть была в руках такого правительства, которое держало в темноте народ. Вот все эти причины создавали для крестьян несравненно труднейшие условия, при которых им нельзя было сорганизоваться, сплотиться и выступить на защиту своих прав.

Таким образом десять миллионов рабочих стали как бы передовой цепью, передовой частью всего нашего народа, стали как бы руководителями революции. Не в том смысле, что рабочий должен быть начальником над крестьянами; мы боремся самым решительным образом против этого. И если тот или другой, не понявший своей задачи коммунист, хотя бы из рабочих, думает, что он должен изображать из себя начальника над крестьянами, мы его одергиваем, мы говорим ему: дело не в том, чтобы рабочий изображал из себя начальника над крестьянами, а в том, чтобы рабочие по праву, потому что они более организованы, грамотны, закалены, прошли большую школу, сидели

в тюрьмах при царе — а тюрьма была главным университетом, где учились рабочие,—чтобы рабочие самими крестьянами признаваемы были своими передовыми людьми, своим передовым отрядом.

IV.

Прежде и теперь.

В 1905 году нам не удалось заключить тесный союз между рабочими и крестьянами, и поэтому первая революция наша погибла. В 1905 г. у нас были только Советы рабочих депутатов, Советов крестьянских депутатов не было, мы не смогли их создать, потому что помещики были слишком сильны и вскоре задушили рабочих, а кроме того, мы не смогли их создать потому, что крестьяне наши в 1905 г., 15 лет тому назад, были гораздо неподвижнее, отсталее, темнее.

Всего 15 лет прошло, но, однако, за эти 15 лет наше крестьянство переродилось. Две войны — русско-японская, а потом проклятая война с немцами за четыре года открыла глаза миллионам и миллионам крестьян и крестьянок. Наш крестьянин стал совсем не тот. В 1905 г., как известно, рабочие успели сорганизовать свои Советы рабочих депутатов в Питере и в Москве, и при помощи всеобщих стачек они принудили царя к некоторым уступкам; но потом царю удалось двинуть пресловутый Семеновский полк и другие полки против рабочих в Москве, во время тамошнего всеобщего восстания, и в Петербурге, во время всеобщей стачки, и таким образом в крови рабочих была потоплена революция.

Что происходило тут? Увы! Часть крестьян, переодетых в солдатские мундиры, повинуясь царским начальникам, задушили рабочую революцию. И кто не помнит, как в 1903 г. и в 1904 г., когда начались первые крупные крестьянские восстания против помещиков в Саратовской, в Нижегородской и в других губерниях, наши же солдаты, те же крестьяне, по приказанию генералов, прокатились по этим волостям саранчой и секли крестьян. Кто не помнит этих картин в Саратовской губ.? Описывали, что первый министр Столыпин, крупный помещик, когда в Саратовской губернии крестьяне восставали против помещиков, привез туда темных солдат и устроил сплошную „секуцию" крестьян, а сам сидел в это время в беседке, пил чай и наслаждался прекрасным зрелищем, как секут стариков, женщин и старух. А кто сек? Те же самые солдаты-крестьяне. Вот до чего была велика темнота.

И когда началась наша революция в 1917 г., то и друзья и враги прежде всего спрашивали: как же теперь пойдет дело? Будет ли крепок союз рабочих с крестьянами, или опять удастся отделить крестьян от рабочих, натравить мелкого собственника, мелкого хозяйчика из крестьян против рабочих, разделить их, а потом поочереди задушить и рабочих, и крестьян?

Такие вопросы ставили себе все. Друзья народа надеялись, что теперь союз рабочих с крестьянами будет крепок. Враги народа говорили: ну, ладно, в городах устраивайте Советы, ходите с красными знаменами, но погодите, пройдет немного времени, и мы так стравим рабочих с крестьянами, так разожжем, раздразним их друг против друга,

что вы сами себе, как это было в 1905 году, сломите шею поочереди, а мы опять останемся хозяевами положения.

V.

Быть или не быть союзу крестьян и рабочих?

Одним словом главный вопрос всей русской революции за три года был и остается и теперь: это—быть или не быть в нашей стране крепкому, честному, искреннему, трудовому союзу между десятком миллионов рабочих и сотней миллионов трудящихся крестьян. Все остальное—мелочь, все остальное—подробности.

Итак, подведем итог теперь этим трем годам, и спросим: был ли этот союз у нас? Отвечаю: да, он был, и он есть, и он будет.

Правда, это не значит, что у нас все шло гладко, без взаимных неудовольствий, без ошибок, без недоразумений. Конечно, были ошибки, недоразумения, шероховатости и даже преступления. Но в общем и целом этот союз был.

Когда уже через 4—5 месяцев после того, как прогнали царя, по всей России прошел гул: долой войну с немцами, долой эту самую буржуазную, разбойничью войну, которая стоила миллионов людей,—это был гул голосов не только рабочих, но и крестьян.

Солдаты были из крестьян в старой армии, они вместе с рабочими бросили: „долой разбойничью царскую войну“. Это был первый, еще не оформленный, но все-таки союз рабочих и крестьян.

У нас вообще оформленных союзов мало. Мы не ходили к нотариусу заключать соглашения, мы

не писали бумаг: „да будет союз между рабочими и крестьянами“, мы не прикладывали печатей, но это делалось само собою, потому что интересы рабочих и крестьян этого союза требуют. Рабочие, сорганизовавшие свои Советы, стали изо всех сил помогать крестьянам устраивать Советы крестьянских депутатов. Тысячи и десятки тысяч рабочих, связанных с деревней, писали туда письма, ходили туда сами, посылали ходоков, связывались с крестьянами и помогали им устраивать свои первые организации—Крестьянские Советы.

Потом наш союз стал все больше закрепляться. Когда дело подошло к октябрю 1917 г., т.-е. к нашей настоящей революции, когда мы прогнали не только царских чиновников, но и всех богачей и капиталистов, все же главный вопрос еще заключался в том, будет ли крепкий братский союз рабочих и крестьян.

И мы увидели опять (хотя у нас тесного договора не было и соглашений не было), что союз между рабочими и крестьянами налицо.

VI.

Что сказали окопы.

В октябре 1917 г. в самом Питере власть взять оказалось не трудно. Шайка капиталистов настолько прогнила, настолько ей не доверял ни один солдат и не хотел ее защищать, что петербургским рабочим, которых было полмиллиона в Питере, ничего не стоило вырвать власть, ибо и рабочие, и матросы, и солдаты были против буржуазии. Керенского же в Зимнем дворце защищала ничтож-

ная группа женщин. Тогда было в моде устраивать женские батальоны. Нашлись такие дуры... И когда Зимний дворец был взят, то матросы и солдаты отпустили этих дур со словами: „идите домой и возьмитесь за ум“.

Все-таки нас пугали буржуазные газеты и все партии, враждебные нам: „Ну, хорошо, вас в Питере много, вы свергли „законную“ власть, а посмотрим, что скажет деревня и что— окопы!“

В октябре 1917 г. под ружьем было около 9 милл. русских солдат, и они сидели в окопах, и действительно, вопрос был в том, что скажет армия и что— деревня. Вернее, это было одно и то же, потому что армия—та же деревня; у нас ведь крестьянская армия.

Тогда в Смольном мы получали пачки телеграмм, по тысяче в день; они сочинялись буржуазией, адвокатами, инженерами, врачами, офицерами, всеми демократами, говорившими тогда от имени народа. Пролезли эти господа на все верхушки и оттуда угрожали нам страшными скорпионами. Телеграммы их кончались словами: „Долой Советскую власть, мы требуем, чтобы вернулась власть „законного правительства“ Керенского, чтобы земли не трогали, пока соберется Учредительное Собрание, а если не послушаетесь, мы вас сотрем в порошок“. Мы отвечали спокойно: „Страшен сон, да милостив бог. Мы не боялись царя и его пушек, а ваших бумажных телеграмм мы, конечно, не побоимся. Штурмуйте сколько угодно, а мы не верим адвокатам и офицерам, верим русскому народу, крестьянам и солдатам, сидящим в окопах, и—что же—посмотрим, что они скажут“.

И мы дождались. Несколько дней прошло—и началась живая почта: целыми потоками из окопов шли солдаты, от каждой армии, от полка, от роты выбирались ходоки и присылались в Смольный. Тысячи живых людей, солдат из окопов, загоревших, оборванных, приходили прямо от тысяч солдат. И тут-то мы говорили: что эти люди скажут, тому и быть. А эти люди, как один человек, всегда говорили: „Одно напрасно, что вы ждали до октября, надо было прогнать раньше эту шайку".

VII.

Голос настоящего крестьянина.

Я прекрасно помню, как на втором Съезде Советов, в день переворота, когда мы арестовали нескольких господ министров-шарлатанов и в том числе пресловутого барчука Авксентьева, который, называя себя эс-эром, продавал крестьян распивочно и на вынос, часть интеллигенции подняла шум: „Как, арестовать министра, да еще такого, который считается социалистом; отпустите его сейчас же!" Шумели питерские адвокаты, студенты и т. д., которые вертелись около Советов. А в ответ на этот шум, вышел крестьянин, седой как лунь, не помню от какой губернии, и сказал просто: „Не только не выпускать этого шарлатана, который сажал нас в тюрьму, а нельзя ли их десяточек другой взять и тоже посадить!" Таков был голос настоящего крестьянина, отлично понимавшего, что землю, за которую боролись сотни лет, он без самой жестокой борьбы не вырвет у помещиков; да и не родился еще тот помещик, который добро-

вольно взял бы и поднес бы на блюде землю крестьянам и сказал бы: „пожалуйста, возьмите мою землю, усадьбу, дом, сахарный завод, лошадей“.

VIII.

Закрепление союза в октябре 1917 г.

Таким образом в октябре союз рабочих и крестьян выявился уже в полный рост. Тогда мы увидели полностью, что вся армия, что все 10 миллионов (а из них было около 9 миллионов крестьян) были передовики крестьянские, проделавшие войну; мы убедились, что крестьянство стоит за тесный союз с рабочими. В октябре союз был закреплен, а в начале 1918 г., когда слились два съезда—съезд рабочих депутатов и крестьянских депутатов и образовали единый съезд рабочих и крестьянских депутатов, уже всякий слепой прозрел, что этот союз не шутка, не выдумка и не мечта, а что он действительное дело и действительная жизнь.

С тех пор он только все больше закрепляется. Не всегда бывает гладко. Так—в общем, живут в браке муж с женой хорошо, но от времени до времени не обходится дело без маленьких неприятностей, а иногда в русском быту и без маленьких потасовок. Но все-таки—супружество нераздельное, целое. И когда загорелась гражданская война, т.-е. война с помещиками и с их сынками, собравшими большую армию, набравшими денег у англичан, японцев, немцев, французов и на эти деньги создавшими белую армию, когда потребовалось гро-

мадное напряжение сил, когда пришлось производить в деревне мобилизацию за мобилизацией, отбирать молодежь, отнимать иногда чуть ли не последнюю лошадь и повозку, когда пошли хлебные повинности, гужевые повинности, и всякие другие повинности, когда крестьянам пришлось, действительно, каждый день чем-либо жертвовать для гражданской войны, снова взыграли духом наши враги и запели: „Ну, крестьянин загнет теперь вам салазки! Вместо того, чтобы каждый день давать вам лошадей, повозки, хлеб, он восстанет против Советской власти, пойдет против рабочих, проклянет вас"! Тут, правда, некоторые колебания среди крестьян были. Нечего греха таить, были! Объявились крестьяне, которые так рассуждали: „Землю мы взяли, большевики нам помогли землю взять, с них все, что можно было получить, мы получили; нельзя ли схитрить, нельзя ли как-нибудь примириться с белыми, прекратить войну, и тогда будут и овцы целы, и волки сыты"? Были такие хитрецы! Но перехитрить историю нельзя. Перехитрить то, что было у нас в России, невозможно. Стена встала против стены. Надо было свалить помещика или помещик свалит тебя. И после недолгих раздумий крестьяне повсеместно в России исполнили свой долг. Как ни много было тяжелых повинностей, как ни тяжко отзывалась война, как ни падало хозяйство, все же в общем и целом крестьяне дали Красной армии то, что должны были дать. Нечего и говорить, что без помощи крестьян Красная армия не могла бы создаться. Если бы деревня не боролась против дезертиров, если бы деревня не требовала от своих, чтобы они шли в армию, у нас армии не было бы.

IX.

Крестьянская армия.

Вспомнить надо, как в Питере, кроме всех мобилизаций, которые были, в первую годовщину революции, в октябре 1918 г. съезд 8 губерний тогдашней крестьянской бедноты единогласно постановил, кроме всех мобилизаций, сделать свою мобилизацию и сформировать несколько полков крестьянской бедноты, и это было сделано. У нас явилось три громадных полка, в несколько тысяч каждый, добровольно созданных. Это были лучшие наши полки, все крестьянская молодежь—и они дрались, как львы, против белых. Молодые люди жертвовали собою, не задумываясь ни на минуту.

Рабочие много сил отдали Красной армии, но еще больше отдали ей крестьяне. В этой Красной армии мы увидели воплощение этого союза рабочих и крестьян на страх врагам и на пользу рабочим и крестьянам. Мы увидели союз воочию.

Но чтобы совершилось это, потребовалось много времени. На Крестьянском Съезде года два тому назад против Красной армии рвали и метали. Да в начале, действительно, Красная армия была и не без греха. Рядовой крестьянин все же убедился, что эта Красная армия—его собственная, родная армия, и в лице ее сковался союз рабочих и крестьян. И вот почему мы имеем теперь истинную, народную, рабоче-крестьянскую армию, которою мы вправе гордиться и которой завидует весь мир, о которой рассказывают такие же чудесные легенды, как рассказывали когда-то про лучших людей человечества.

X.

Рост союза.

Союз рабочих и крестьян, сначала не оформленный, робкий, недостаточно прочный, несмотря на беды наши в течение трех лет, все больше крепнул. Даже чем хуже было положение, чем труднее, тем больше закалялась его крепость. Все равно как молотом били по нам все события. Голод, мобилизации, разрушение хозяйства, война, натиск белых, натиск немцев, натиск англичан и французов— все это молотом било нас. Но не разбивало нас, а теснее сколачивало! Союз рабочих и крестьян в огне событий сплавлялся в единое целое, и получался такой сплав рабоче-крестьянский, цельный, здоровый, мощный, железный, такой сплав, при помощи которого мы, в свою очередь, сможем теперь создать молот, чтобы наносить им удары врагам рабочих и крестьян. Оттого-то наша революция, несмотря на страшные препятствия и лишения для каждого из нас, все-таки идет от победы к победе.

Каждый в отдельности крестьянин еще не мог почувствовать большого облегчения от революции. Он получил землю, но у него не было лошади, инвентаря, чтобы работать. Он получил большое помещичье имущество, но, с другой стороны, он должен был отдавать последнюю лошадь в армию. И хотя каждая отдельная крестьянская семья до сих пор не почувствовала большой пользы и облегчения для своей семьи от революции, в общем и целом мы шли от победы к победе и теперь приблизились к тому времени,

когда каждое семейство каждый месяц станет чувствовать маленькое облегчение, увидит и оценит, что дала революция, и что действительно начинается жизнь по новому.

XI.

Надежды наших врагов и на чем они держатся.

Но это не значит, что и наши враги перестали уже надеяться на то, что они разведут нас в разные стороны. Они все-таки надеются, что им удастся разъединить рабочих и крестьян. Если бы им, удалось как-нибудь серьезно натравить их друг на друга, тогда, конечно, их дело было бы выиграно, тогда они стояли бы в стороне и потирали бы руки от удовольствия и ждали бы, пока крестьяне и рабочие расшибут друг другу лбы.

Они этой надеждой живут и строят на этом свои планы.

Сейчас же придираются более всего к хлебной монополии, и на ней играют, а также на свободной торговле. Играют еще на том, что рабочее государство не может дать деревне мануфактуру, гвоздей, керосина, мыла, сахару и т. д. А какие песни были раньше? Раньше они говорили, что мы продались немцам, что мы виноваты в братоубийственной войне, тогда как помещики и их сынки на самом деле бросались отнимать назад свои земли.

Наконец, на очередь выступила „коммуния“; осуждают общее владение землею. Теперь более всего напирают именно на это общее владение землею да усердно продолжают ездить на свободе торговли и на монополии, разжигая недовольство.

Какое же средства есть у нас против этого? Только одно: надо, чтоб мы сами вникли, разобрались в этих вопросах, стоящих на очереди, поняли и растолковали их другим крестьянам.

Наше главное орудие—это слово, озарение мозгов.

XII.

Есть ли другой выход?

Мы, во-первых, спрашиваем, есть ли у нас какой-либо другой выход, кроме того, который намечен Советской властью?

У нас была хлебная повинность, в последнее время введена повинность на счет масла; и, пожалуй, в деревне это вызовет недовольство—известную часть масла отдавай городу!

Мясная повинность действует в тех губерниях, где мясо есть.

Все это больные вопросы; может быть, есть другой выход, может быть, тут ошибка Советской власти. Но представьте себе, товарищи, что сейчас в деревню шли бы, поезд за поездом, земледельческие машины, удобрение для земли, шел бы строительный лес в нужном количестве, электрические лампочки, тракторы для того, чтобы лучше обрабатывать землю, сахар, мануфактура, спички—все, в чем нуждается крестьянин. И если бы взамен за каждый маршрутный поезд в 40 вагонов сеялок, веялок, тракторов и проч. должно было бы дать городу столько то пудов масла, столько-то хлеба и т. д., тогда, конечно, ни у кого не повернулся бы язык сказать, что нельзя дать, а

всякий бы понял, что, конечно, иначе и быть не может. И дело сразу было бы налажено. Но, действительно, сейчас в деревню из городов идет мало, можно сказать, ничтожное количество товаров, одна сотая часть того, что надо дать.

В деревню ушло за два года, однако, несколько десятков миллионов пудов разных предметов. У нас население в полтораста миллионов и, чтобы дать по одному аршину, надо уже 150 миллионов аршин. Тысячи и десятки тысяч вагонов из городов ушли в деревню. Но, повторяю, это сотая часть того, что следовало дать в деревню.

Какой же вывод отсюда? Если крестьянин скажет: сначала дай мне трактор, новую сеялку, а потом я дам тебе картошки, что же — сдвинемся мы тогда с места?

XIII.

Положение петербургского рабочего.

Рабочий от революции пострадал в тысячу раз больше. Посмотрите на питерского рабочего, у него осталась кожа да кости; сколько у него мрет детей, сколько чахоточных среди рабочих! Сколько сейчас чахоточных передовиков-коммунистов, а они больше всех в Питере надрываются! У петербургского рабочего ничего не осталось. Петербургский рабочий за два года промотался так, как никто. В прошлом году питерскому рабочему приходилось у кулака подгородного, чтобы получить пять фунтов картошки снимать последний пиджак. Петербургскому рабочему, герою рабочему, который первый восстал и первый вырвал власть у питерских дворцов и первый помог крестьянину взять

землю (без питерского рабочего, без его восстания не видать бы вам земли никогда, как ушей без зеркала), голодному питерскому рабочему пришлось итти к подгородному кулаку за картошкой! Снимать пиджак за пять фунтов картошки! Скажу открыто, что в этом году этого не будет. С кулака снимем три пиджака, а питерский рабочий получит хлеб и картофель. Мы соединимся с трудовым крестьянством против пиявки-кулака! *Аплодисменты.* (*Шум. Звонок председателя*). Я очень рад, что заговорил о кулаках, я попал в цель (*Аплодисменты*). Стрела наша попала в цель!

XIV.

Есть рабочие и рабочие.

Да, мы знаем, что есть рабочие и рабочие. Есть и среди рабочих люди, которых мы не гладили по головке; есть шкурники, спекулянты. Найдутся десятки и сотни железнодорожников, которые, вместо того, чтобы трудиться и чинить паровозы, спекулируют (*Аплодисменты*). Безнаказанно им это не проходит—и их отправляют куда следует. Но громадная масса рабочих, но масса крестьян—не спекулянты и мешечники, а честные трудовые люди. И наше дело заключается в том, чтобы и рабочих и крестьян очистить от той коросты, которая кое-где проявилась.

XV.

Чего хотел Юденич?

Именно—рабочий и крестьянин погибнут, если не будут жить дружно, если не будут друг другу помогать. Мало было уроков в 1905 году? Разве

мало было тогда виселиц по всей России? А что недавно делалось в Ямбургском уезде?

Юденич оставил целый земляной вал, начиненный человеческими телами! Людоед! Или это не правда? Кто похоронен в этом земляном валу? Не сотни ли крестьян, рабочих, коммунистов? За что их перебили? За то, что они требовали братства рабочих и крестьян! А Юденич чего хотел? Того же, чего хотят кулаки. Он хотел рассорить рабочих и крестьян, натравить одного на другого, чтобы они из-за одного фунта картошки перегрызлись; тогда он пришел бы и сел бы верхом на рабочих и крестьян.

Но этого не будет. Маленькая кучка темноты осталась еще среди маленьких помещиков и кулаков, и с ними мы бороться будем, и посмотрим, кто кого победит!..

XVI.

Дать надо авансом — и в кредит.

Понятно, что если бы сразу пошли маршрутные поезда из городов с необходимым для деревни товаром, легко можно бы было наладить обмен. Но когда заводы и фабрики стояли, когда не было топлива, когда много рабочих сил погибло, то в данный момент, пока налаживается работа, рабочий не может вам предложить нужного количества полезных предметов. Как же быть? Так и остаться-на век стоять, стоять, упершись друг против друга головой, и крестьянин будет твердить „дай мне сначала орудия и мануфактуру и я дам тебе картошку“ — и торговаться до тех пор, пока не помрет последний голодный рабочий?

Рабочий, при всем желании, пока он не привез еще угля, не пустил в ход свои фабрики и заводы, не даст, не может дать вам всех предметов в необходимом количестве. Как же быть? Что делать? Остается крестьянину дать сейчас рабочему и картошку, и хлеб, и зерно, как бы в кредит, авансом, за бумажные деньги — как бы под вексель — или без денег — взаймы, еще правильнее; и вы, крестьяне, должны это сделать совершенно сознательно. Вы даете в верные руки. Рабочий никуда не денется. Один рабочий убежит, а 10 миллионов никуда не убегут.

XVII.

Рабочий—верный должник—вернее банка.

Рабочие хотят фабрики и заводы пустить в ход, хотят наладить обмен города с деревней. Рабочий для вас гораздо более верный должник, чем были банки. Нас воспитывали так сотни лет, что банки— святое дело. В банк внес, поставили с царским портретом печать и книжку в руки дали — и мы свято верили. Мы с молоком матери впитывали доверие к банкам. Но ведь были банки, а теперь в банках народные училища или что-нибудь в этом роде. И царь был, да весь вышел. Были и новые кандидаты на царский престол. Был Колчак и компания, да куда они девались? Так что теперь надо бросить мысль, что самое верное — это банк или сберегательная касса. Самое верное это—дать рабочему на его фабрики и заводы, потому что и фабрики и заводы ни один рабочий сам себе лично не присваивает. Он не станет есть сеялки

и веялки, которые он будет вырабатывать, а, конечно, повезет их в деревню. Рабочий не будет глотать электрические лампочки. И из мануфактуры он не сделает себе пятнадцать костюмов; дай бог ему одну куртку иметь приличную. И стекло, которое он производит, отдаст вам.

Надо же понять, что произошел крупнейший переворот, и свои сбережения мы не можем уже отдавать в банки или закапывать в землю; это было бы смешно; мы должны пустить их в оборот, как компаньоны рабочего.

XVIII.

Товарищество на вере.

У вас товарищество, два компаньона—рабочий и крестьянин, рабочий класс и крестьянство; супружеская пара; у вас одна семья; и было бы дико, в самом деле, если бы жена сказала мужу: сначала ты поработай, а потом получишь похлебку. Надо сначала поесть, а потом пахать землю. Ему похлебку надо дать авансом. Поешь, милый друг, и тогда пойдешь на работу.

Таково положение у рабочего и крестьянина.

Рабочий изголодался до-нельзя, у него нет самого необходимого. В Питерской губернии крестьянину тоже тяжко приходилось; но вы подумайте, что значит $^{1}/_{8}$ ф. хлеба для рабочего! Теперь стало немного лучше, но что было за 2—3 года. Посмотрите на Иваново-Вознесенских ткачей; они работают бешено, невзирая ни на что, но еще больше страдали и голодали, чем питерские рабочие.

И что же—вы придете и скажете им: „сначала ты мне дай товаров, а потом я дам тебе картошки“? Трудящиеся крестьяне должны понять, что другого выхода нет, как дать авансом, пока рабочий обернется, потому что фабрики и заводы начинают оживать. Теперь уже не столько мертвых труб, показывается дымок, что-то двигается; военную промышленность бросают и стали производить плуги, Обуховский завод сделал первые тракторы, то же самое и на Путиловском заводе. Другого выхода нет!

И не только в Питерской губернии, во всей России вопрос стоит так, что крестьянам надо придти на помочь рабочему классу, надо дать ему передохнуть, дать возможность обернуться, дать ему поесть; и тогда рабочий сможет пустить фабрики и заводы.

Даже без всякого векселя крестьянин может быть спокоен, что все, что будет произведено на фабриках и заводах, пойдет к нему. Кто у нас решает все дела? Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Там громадное большинство крестьян, потому что у нас в стране крестьян в 10 и, пожалуй, в 15 раз больше, чем рабочих. Что же мы в состоянии создать такое положение, при котором Обуховский завод станет принадлежать мне, или Иванову, или Петрову? Смешно даже подумать! Наши заводы могут принадлежать только рабочему и крестьянскому государству. Поэтому все, что они произведут, пойдет на распределение деревни. Не сразу наладится гладко,—мы сделали не маленький переворот,—потребуется время; но что это пойдет именно по такому пути, нельзя сомневаться.

XIX.

Главная наша опора.

Другого пути нет!

Мы бы двадцать раз погибли за два года, если бы хоть на минуту образовалась трещина между рабочими и крестьянами. Союз рабочих и крестьян — главная скала наша и опора; без этого союза—крышка Советской России. Ибо если явится назад помещик, вы знаете, что он с вами сделает?

А теперь союз, о котором мы говорим, вступает в новую фазу. Раньше был союз с Красной армией, теперь нужен новый союз в деле налаживания хозяйства. И тут будет тоже множество трудностей. Разве в Красной армии союз прошел без трудностей? Что такое было дезертирство? То был протест против Красной армии. Люди не понимали или дорожили своей шкурой больше, чем общим делом, и утекали из армии. Чужими казались им комиссары, коммунисты, и не отдавали они себе отчета, из-за чего дерутся друг с другом русские люди. Но прошло два года, и много ли вы знаете красноармейцев, которые еще так рассуждают? Каждый теперь понимает, из-за чего идет борьба. Каждый крестьянин понимает.

С хозяйственным союзом будет так же. В начале будут протестовать, и пусть все выйдет наружу. А чрез полгода, через год, через два мы уже будем удивляться, как это мы спорили из-за таких пустяков, не понимая, что для производства рабочим тракторов и сеялок рабочего надо сначала подкормить.

XX.

Новое старое.

И вообще пора о новой более совершенной нравственности подумать—и сообразно с нею поступать, к нашей же выгоде.

Голодному соседу, в работе которого нуждается другой сосед, кое-что имеющий, прямой расчет дать картошки и накормить его, а иначе ничего от него не дождешься: голодный скорее умрет, чем в состоянии будет работать. В нас собственнический инстинкт чересчур заложен, товарищи. Нас всегда пичкали мудростью: „самое главное, чтобы у меня было в кармане, да о себе подумать, а за всех подумает Господь Бог". Вот результаты этой грешной мудрости теперь и сказываются. Мы стоим в начале пути, это трудно понять, но понять необходимо.

XXI.

Что будет.

Мы переходим сейчас к хозяйственному строительству. Вспомним, что было на съездах полгода тому назад. Как, бывало, кто-нибудь скажет, что мы скоро кончим войну, поднимался бунт и кричали: „врешь, два года уже обещаешь и не кончаешь, все воюешь, и все у тебя Красная армия!" Но, однако, кто был прав? Гражданская война кончилась, и кончилась так, как предсказывали: победой мозолистых рук над царскими генералами.

В Сибири лежит полтора миллиона пудов мяса в одном холодильнике да десятки и сотни миллионов пудов масла. Мы не успели только этого привезти.

Почему? Потому что пути испорчены. Кроме Сибири, на Урале, между Пермью, Екатеринбургом и Челябинском Колчак разрушил 250 мостов. Белые опустошали все, им терять было нечего. Они хотели оставить нас в одной рубашке. Приходится теперь чинить все мосты. Один мост через Каму уральские рабочие чинили два с половиною месяца!

Пока—ни масла и мяса из Сибири, ни нефти из Грозного, ни угля из Донецкого бассейна.

Дороги скрипят, заболевших вагонов и локомотивов уйма. Во всяком случае, верно: шесть месяцев тому назад Фома Неверующий кричал: война не кончится никогда,—а война внутри кончилась!

И теперь всякий понимает, что нельзя было Юденича добром уговорить, чтобы он не вешал крестьян и чтобы в селениях не насыпал кровавых валов из человеческих тел, как в Ямбурге. Помните наши слова и на счет хозяйственного фронта, и союза рабочих и крестьян через два года. Даже через полгода—а это миг в человеческой истории—увидите уже совсем другое положение. И теперь что бы ни нашептывали белогвардейцы крестьянам, я уверен, что откликнутся из них только самые темные и корыстные люди; а громадное большинство среди крестьян не люди корысти, а люди труда. Да и громадное большинство крестьян не такие уже темные, они достаточно уже насмотрелись.

Программа Советской власти, в отношении работы на деревню, известна. В. Ц. И. К. еще два месяца тому назад поставил вопрос—и это должно быть известно каждому крестьянину—об электрофикации. Слово как бы мудреное, но надо

его знать. Происходит оно от слова электричество. Электричество же—такая штука, которая может не только освещать, но и двигать любые двигатели, и силу эту можно применять в любом механизме. И вот Советская власть решила применить электрическую силу в крестьянском обиходе, в крестьянском хозяйстве. Разработана программа на десять лет.

Разумеется, как солнце сразу не подать на блюдечке, так и нашу голодную, истерзанную, полуразрушенную страну в короткий срок не превратишь в цветущий рай. Дай бог, чтобы мы через десять лет программу выполнили, но каждый год мы будем видеть, как сделан шаг вперед. Мы хотим, чтобы деревня освещалась электричеством, чтобы были электрические мельницы и электрические сельскохозяйственные орудия.

Быстроту рек мы переделаем на электричество. Если есть сильный поток воды, то его энергию можно переделать на электричество. К этому мы приступили по реке Свири и в других местах.

Каждая речка, каждый водопад будет использован. Все силы, которые есть у нас, будут пущены в ход, будет подано в деревню всевозможное химическое удобрение. И мы добьемся того, что лучшие здания в селах пойдут под школы. Ведь школы у нас хромают до сих пор.

XXII.

Что лучше?

Мы также должны улучшить породу скота крестьянского. Действительно, армия пока вынуждена была только отнимать и отнимать. Я знаю, отни-

мали последнее. Но что бы вы предпочли, если бы вас спросили 6 месяцев тому назад: отдать последнюю лошадь и очутиться в том положении, в котором вы теперь находитесь, или не отдавать, но чтоб победил Юденич, и потом работать на барщину да вернуть помещикам землю; а Юденич, конечно, не только лошадь взял бы последнюю, но и хвоста не оставил бы от лошади. На такой вопрос 6 месяцев тому назад вы бы посердились, поворчали, поругались бы, потому что никому неприятен такой выбор, употребили бы десять раз крепкое словцо; но неужели, если бы вас спросили, как хозяина, вы сказали бы в конце концов: лучше я подожду, пока вернется Юденич? Нет, конечно, не сказали бы. Так сказала бы маленькая кучка крестьян-кулаков. А громадное большинство крестьян сказало бы: да, тяжело отдавать последнюю лошадь, чорт побери, трудная задача! а все-таки другого выхода нет—надо отдать. Так ведь на самом деле и решили крестьяне. Что же вы думаете, насилием разве это можно было проделать?

Разве стомиллионное крестьянство можно было бы принудить к этому, если бы оно своим здоровым крестьянским умом само не поняло бы, что другого выхода нет? Пришлось, скрепя сердце, действительно, ограбить половину России, но победить генералов.

У нас красноармейцы, хорошо это или худо, одевались лучше. Если в Красной армии мы имели кое-что из снаряжения, то этого нельзя было достигнуть иначе, как временно обездоливши остальную часть рабочих и крестьян.

Вам был выбор: или подставить шею под секиру, вот мол, ваше благородие Юденич, отсеки

покорную головушку, или, остановившись на другом выборе, генералов прогнать и землю и все светлое свое будущее, со всею его роскошью, богатством и свободою, удержать за собою.

Распуская в первый раз армию в 1917 году, мы думали, что война уже кончена, и всех лошадей из армии роздали крестьянам. Правда, не каждый крестьянин получил лошадь, потому что у нас сто миллионов крестьян, а лошадей было 8 миллионов. Но будет же у нас и сто миллионов лошадей, и двести. Все, что есть у нас и будет, одинаково должно принадлежать как крестьянам, так и рабочим. Вы это прекрасно знаете.

Я понимаю, что теперь тяжело каждому. Операция трудная штука; но, спрашиваю, был ли другой выход? Нет. Без этой операции другой возможности спасти положение не было; иначе нашу землю и нас самих уже топтали бы пьяные царские генералы.

Колчак в Сибири целые губернии перепорол крестьян и крестьянок. На юге Деникин, раньше чем покинуть Новороссийск, оставил в городе громадную гору обугленных трупов крестьян и рабочих; и когда шла наша Красная армия, то раздавались из этой обугленной массы крики умирающих, которые могли только прохрипеть: „бей белых!“, как это описывает очевидец тов. Буденный. Что же, мало было уроков?

А что делалось в Архангельске, и на Волге? В нашей Петербургской губернии? Какие же могут быть споры еще!

XXIII.

Главное сделано.

Это последние догорающие предрассудки. Есть люди, которые верят в домового, и есть люди, которые верят, что можно чудом спастись от белых без армии. Как спасешься знахарством и заговором от волка? Спасешься только тем, если волка застрелишь или ночью бросишь в него горячей головней. То же нам оставалось делать и с генералами. Если бы не было горячей головни, если бы не было ружья, разве мы бы с этими волками справились?

Мы еще 3 года назад хотели взяться за хозяйство, но не могли. Почему? Потому, что нас окружили царские генералы и, скрежеща зубами, хотели ворваться в наш дом, перерезать наших детей. И три года прогоняли стаю волков, три года отбивались. За это время Россия больше объединилась, это верно. Какой же другой выход был? Открыть ворота и сказать: милости просим, господа, и поднести им хлеб-соль? И нечего поэтому раскаиваться, что три года ушло на борьбу. И нечего поднимать старую свару и перекоряться, почему тогда было то-то и то-то. Мы главное сделали, мы прогнали волков, мы вошли к себ в дом. Но дом наш беден, трещит по всем швам, и хозяйство наше плохо стоит. Рабоче-крестьянская Россия—могучий великан, но в дырявом зипуне, в худых сапогах, полуголодная.

Как же поправить дело?

Мы предлагаем определенную дорогу. Мы не утверждаем, что мы безгрешны. Может быть, пред-

ложат нам другой путь? Пожалуйста. Наш путь заключается в том, чтобы крестьянин сейчас же пришел на помощь рабочему и дал бы ему возможность пустить фабрики и заводы, и через то у себя самого вывел бы нечисть.

XXIV.

О кулаках.

Крестьянин трудящийся—наша опора, он наш союзник. Средние крестьяне вместе с крестьянской беднотой составляют девять десятых нашей деревни. А кулаков сколько? Возьмите города... Куда девались наши богачи, банкиры? Они перекочевали из Питера в Москву, из Москвы—в Киев, из Киева—в Одессу, из Одессы—в Константинополь. Уехали в крупные буржуазные страны и нашли там приют под крылом капитала. Но деревенский живоглот куда перекочует? Частью, пожалуй, ушел к Юденичу, но бóльшая часть кулачества осталась на месте. За море кулак не поплывет. Он даже не слышал, что есть город Константинополь. Он живет тут же. Много помещиков приютилось в своих имениях, а тем более неистребимы эти живоглоты, крупные лавочники, эти Тит Титычи, которым вы закладывали последнее и которые давали вам деньги в рост. Они еще наши враги. Некоторые из них поняли, что произошел переворот, что теперь надо все строить по новому, что надо трудиться, что теперь дело не в наживе. Но есть и такие, которые, как змеи подколодные, стараются отравить деревню, смутить, сплетничают, рассказывают всякий вздор. Сколько из них негодяев, которые любую ложь,

сплетню про Красную армию, про Советскую власть, про питерских рабочих вам расскажут!

Что с ними делать? Думаю, что решение этого вопроса надо предоставить вам, крестьянам середнякам и беднякам. Сами вы сумеете эту моль вывести. Но скажем прямо и определенно, что этим кулакам сесть на голову рабочим и крестьянам мы не позволим. Если мы до сих пор мало принимались за них, то потому, что нам было не до кулаков. Деникин, Колчак, Юденич были почище, нам надо было крупных живоглотов прогнать. Когда же теперь мы с ними справились, наступает сезон для деревенских кулаков. И вы на сходах так и скажите своим кулакам: наступает ваш сезон, теперь за вас примется Советская власть!

Может быть, их уже не так и много. Миллионов кулаков нет. А все-таки Титы Титычи не только существуют, но я вам скажу по секрету, хотя я рискую, что я тут обрадую своих противников,— некоторые из них пролезли и в Советы—волостные и даже в уездные. Есть и в губернских. И их надо убрать к чорту. Есть частушка, написанная прекрасным пролетарским поэтом Демьяном Бедным про попа, который прошел в упродком: „Я срежу волосы, скину рясу, назовусь коммунистом и пролезу в упродком". Там сытно, и насчет маслица можно раздобыться. Мы это прекрасно знаем, и мы вам обещаем, что кулаков будем гнать— и выгоним!—из наших уездных, волостных, губернских, столичных и каких-угодно советских организаций. Да, пролезают безусловно, такое уже отродье! Кошку бросишь с пятого этажа; кажется, моцион довольно неприятный, а кошка опять встала на ноги. Так и кулаки. Кулак умеет прикиды-

ваться кем-угодно, даже коммунистом и советским работников.

И необходимо бороться против этого!

XXV.

Коммунисты есть разные.

С кулаками и буржуазией мы не церемонимся. Мы и коммунистов расстреливали. Вы слышали, как несколько месяцев тому назад в Петербурге был расстрелян Чудин, который 15 лет состоял в нашей партии и сидел вместе с нами в тюрьмах. Этого старого коммуниста, члена Ч. К., мы расстреляли за то, что он, сойдясь с одной недостойной женщиной, по ее просьбе, освобождал арестованных спекулянтов. Если бы он не был коммунистом, мы послали бы его на принудительные работы; а как коммунист, он должен был ответить вдесятеро. Лишь в тех случаях, когда мы не знаем, подлец остается ненаказанным. Но когда Советская власть и коммунистическая партия знает, тогда ни один преступный коммунист не только не уходит от суда, а еще отвечает в десять раз больше, чем любой не-коммунист.

Что же, разве нет коммунистов, которые грабят? Есть комиссары, которые отбирают последнюю лошадь, чтобы съездить на свадьбу. Есть такие комиссары. Но, товарищи, есть тысячи и десятки тысяч комиссаров настоящих, таких, каким был, наприм., покойный Восков. Есть громадное большинство таких комиссаров из рабочих, которые первые легли на полях битв, когда надо было отбивать помещиков и буржуев. Были героические

личности, которые шли впереди и последний заряд пускали себе в ухо, или отдавали последнюю рубашку, как это делал Восков. Что же, разве негодяи сделали Советскую революцию? Сделали святые люди, такие комиссары, как Восков и другие работники, которые подняли звание комиссара на недосягаемую высоту, у которых была только одна мысль о трудящемся народе, которые сияют, как звезды. Да, есть комиссары, которые берут взятки. Вся Россия переродиться в три года не может, ей надо 30 лет на это; мы ее почистим; но все-таки грязный налет, пыль мы сняли. Если бы мы щадили взяточников, было бы плохо. А если мы их вытаскиваем за ушко да на солнышко, не бойтесь, воровство кончится скоро. Не взяточники, не хабарники составляют действительную основу. Основа—в настоящих комиссарах. Часто они ведут себя как подвижники. Мы искренно досадуем, когда узнаем, что тот или другой рабочий, комиссар, в последней стадии чахотки. А почему он в последней стадии чахотки? Ответственный работник, член П. К.? Потому, что он питался плохо и работал по 16 час. в сутки.

XXVI.

Но есть множество хороших людей.

Таких людей у нас десятки тысяч, они не думают о своих интересах, о своей семье, свою мать забывают, и помнят только Советы. Не будь их, разве мы держались бы у власти? Разве у нас есть чудодейственная палочка или военная сила? И разве у царя не было военной силы, или у Колчака не было военной силы? Почему же рас-

палась их власть, как снег перед огнем, они исчезли, как черти перед заутреней? Потому что правда на нашей стороне; потому что красное знамя честно полито кровью таких людей, как Восков; потому что знамя это—святыня наша; потому что десятки и сотни людей отдают безропотно свою жизнь за дело рабочих и крестьян. Вот почему мы победили и побеждаем!

Одна Россия составляет 1/6 часть всего мира, и если есть Советская власть во всей России—это значит, что в 1/6 части *всего* мира существует Советская власть. По окраинам было волков сколько-угодно. И не только они кинулись на нас, но против нас пошло полмира капиталистов, англичан, французов, немцев, японцев, американцев—все они посылали войска. А теперь посмотрите, как они бегут, перегоняя друг друга: не желает ли Советская власть с ними помириться, им приятна уже Советская власть, они уже любят Советскую власть. Еще полгода тому назад они готовились разнести Советскую власть, но чем же мы заставили их переменить тактику? Нашей правдой, нашей внутренней силой. Вы могли слышать, как рассказывал ирландский социалист, что в Дублине Народный дом назван „Смольным“. А я получаю, в качестве председателя Коммунистического Интернационала, газеты на 18 языках. На-днях пришел по почте орган коммунистической партии в Мексике; пришел журнал из Австралии. Что у них на газетах, какое знамя? Каждый раз слезы наворачиваются, когда развернешь газету, издающуюся где-нибудь за 20.000 верст и на первой странице ее видишь серп и молот—Советский флаг повсюду и везде. Как же так, через моря, через океаны перескочило

наше слово и там появился наш серп и молот? Они же знают прекрасно, сколько голода, крови, муки, несчастий у нас было! То-то и есть, что через моря перепрыгивают электрические искры нашей правды, рабочей и крестьянской правды...

XXVII.

Не расторжим союз крестьян и рабочих.

Мелкие споры изживаются,—кто на шесть месяцев раньше даст картошки и масла, это все мелочи. А наша душа, наша Советская власть, жива; она не подточена ничем, она притягивает к себе, как сильнейший магнит, сердца рабочих и крестьян всего мира.

Товарищи, неужели наши собственные, русские крестьяне, которые видели собственными глазами этих генералов, этих бешеных собак, виселицы, офицерские шайки, грабежи, секуции, насилия, становых, земских, помещиков, неужели теперь, когда мы приблизились к счастливой минуте, крестьянство поколеблется хоть на минуту? Нет, не верю этому. Я знаю, что споры перемелются и мука будет. Поспорить не грех. Все это перемелется, но основное останется. И это основное есть железный, ничем не расторжимый, неподрываемый союз рабочих и крестьян! (*Продолжительные аплодисменты*).

Заключительная речь тов. Г. Зиновьева на беспартийной конференции крестьян и рабочих Петербургской губ. 21 апреля 1920 г.

I.

Товарищи, я сожалею, что не довелось мне выслушать всех товарищей, которые говорили по моему докладу. После тех речей, которые были выслушаны в большом количестве до обеденного перерыва, мне кажется, достаточно, чтобы судить, на какие вопросы необходимо ответить.

Было сделано замечание, что мы делили крестьян на три категории: бедняков, средняков и тех, которых называют неприятным словом „кулак". Но это не мы разделили крестьян на три категории— жизнь разделила, мы ничего не придумывали. Так же, как у нас город был разделен (и отчасти разделен еще теперь) на рабочих, на буржуазию— крупных капиталистов и мелких собственников,— так же и деревня наша была разделена десятками лет на три названные категории. Наклеен злой ярлычок на деревню десятками лет развития. В любом селе каждый деревенский подросток укажет дом богатея-мужика и скажет, где живет самый бедный мужик. Мы же знаем что в крупных

деревнях есть целые улицы, населенные только бедняками, и есть улицы, населенные деревенской знатью. Что же на это обижаться! Или, по пословице, на воре шапка горит? Я говорил, что есть на Руси кулаки, и это неопровержимая истина. Не ругал я никого лично, а говорил, что в деревне кулачье—это добро, это зелье—еще не перевелось и не так скоро переведется, и гораздо труднее с ним бороться, чем с самыми крупными живоглотами в городе. Возьмите банкиров, их было наперечет несколько десятков в Питере, они жили в богатейших домах, их знали по фамилиям, они выделялись внешностью. Таким образом, их „передавить" было легко. А в деревне это сделать труднее. В деревне настоящий кулак, нажившийся во время войны, и до войны был достаточно богат и давал деньги в рост, спекулировал на голоде, нанимал работников, имел большую лавку, мельницу; кулаков было побольше, чем банкиров в городах; жили и живут они среди крестьян, часто одеваются так же, как крестьяне, кулак по-своему трудится; его не так легко извести, как городского банкира. На мои слова обижаться нечего, повторяю! Если кулак будет обижаться, понятно. Дошла до него очередь. А среди вас кулаков нет.

II.

Дело идет о крестьянстве трудящемся, о крестьянине-середняке. У этого большая семья, восемь человек, две коровы, одна лошадь, а называют его кулаком. И вот спрашивается—кто же кулак, кто середняк и кто бедняк?

И действительно, надо уговориться на этот счет; ведь, пожалуй, найдутся лодыри, которые

скажут: „зачем я буду работать, лучше я буду бедняком, а у кого лошадь или полторы коровы, вот тот кулак“. Советская власть так разрешает вопрос: в разных губерниях надо судить по разному. На Украине крестьянин, у которого одна лошадь и две коровы,—бедняк. У малороссов, да и на Волге или в Сибири, скота бельше, чем у нас. Однако и у нас нельзя сказать про крестьянина, у которого восемь человек детей при двух коровах, что он кулак. Никто из ответственных представителей Советской власти того не скажет. Верный признак кулака—он живет за чужой счет, нанимает работников и наживается на голоде других. У него может и не быть ни одной коровы и ни одной лошади, сколько-угодно таких кулаков в деревнях; на кой чорт ему лошадь,—лучше давать деньги в рост, и есть способы крестьянина-бедняка прижать и превратить в лошадь. Дело не в том, сколько у кого лошадей и коров. Это не главный признак. А вот ежели ты нанимаешь работничка, ежели ты хочешь заработать больше, чем нужно тебе и для государства, хочешь чужим трудом жить, и если столько у тебя хлеба и так им торгуешь, что на чужом голоде наживаешься, тогда—ни одной у тебя лошади или пять лошадей—все равно, ты кулак. Каждый средний трудящийся крестьянин скажет, наверно, что когда умирают с голоду крестьяне и рабочие, а мы топчемся на одном месте и не можем поднять хозяйства,—тот человек, который спекулирует на голоде, и наживается, и, зная, что рабочие и крестьяне умирают с голоду, излишки свои закапывает в землю, только не дать, тот есть настоящий, подлинный кулак, не найти другого более вежливого и более нежного

слова для такого человека. „Живоглот“, или „паук“, или „пьявка“ —это недалеко от истины, но слова как будто не из вежливых. Кто придумает другое ядреное, крепкое словцо, будет великолепно. А до сих пор таких захребетников называли кулаками.

III.

Товарищи, вопросы перед нами стоят страшно тяжелые, ибо Россия разорена. Эти вопросы можно будет разрешить только тогда, когда на счет главного мы условимся промеж себя. А главное должно заключаться в братском союзе между рабочими и крестьянами против этого самого большого и маленького кулака, против того, кто наживается на чужом голоде, кто хочет действительно на наемном труде выехать. Тут мы можем быть вполне единодушны и должны твердо и ясно договориться. Будем называть вещи своими именами, будем называть кулаком человека, который на чужом голоде и слезах пытается нажиться и набить себе мошну, будем против него бороться. Не спорю, таких людей ничтожная горсточка во всей деревне, иначе победили бы белые. Мы отлично понимаем, почему, в конце концов, мы победили, а не они. Потому, что белые не имели опоры вообще в деревне, а опирались лишь на кулаков. Кулаки помогали им изо всех сил, чем могли. Только их как кот наплакал, их мало, по сравнению с громадным морем середняков и бедняков, и они не могли поддержать белых генералов.

И все же они существуют и представляют собою одну из трех категорий в деревне. Кулачество— своего рода деревенская болезнь. Я назвал ее своим именем. Если деревня не излечится от болезни, не

избавится от кулака, он задушит деревню. Надо это понять ясно и определенно.

Пора приняться за лечение. Зачем же давать болезни разрастаться! Кто из нас не знает, что в целом ряде деревень прошли прекрасные законы о земле и о чем-угодно, но внедрились и плохие комиссары, которые безобразничают. Есть места, где кулаки, бывшие старшины, бывшие крупные гамошние трактирщики, целовальники и лавочники, попрежнему держат в кабале крестьян, опираясь на что-то старое, на тех, кто у них был в долгу, кто раньше привык их слушаться, кто смотрел на них, как на начальство. Самого царя нет, а какого-нибудь маленького царька боятся.

Разве этого нет сейчас в деревне?

Чем же живут эти пауки? Нашей робостью, неорганизованностью! Они ссылаются на то, что они тоже крестьяне. Какие к чорту они крестьяне! Наконец, дело не в названии. Кулак—такой же крестьянин, как Путилов был рабочий. Наши фабриканты тоже иногда любили прикинуться рабочими, носили сапоги русские и говорили: „мы, братцы, рабочие; мы все одинаковы; мы трудимся, вы трудитесь. Мы, примерно, сидим в банке и стрижем купоны, разве это не труд? Я вами управляю, разве не труд? Я вас, дураков, кормлю, пою, даю вам работу, тоже разве это не труд?“.

Рабочему не обида, если городского кулака разоблачают. Надо, чтобы и на крестьянских собраниях тоже создалось отношение к сельскому кулаку, как к врагу, к пауку, к угнетателю.

Крестьянин Кириллов в своей характерной речи высказал то, что у многих на уме. По его словам, в деревне есть бедняки, которые не работают а

ходят да посвистывают да приговаривают: „работа дураков любит, пускай теперь работают зажиточные, а мы первое сословие, мы бедняки“! Бедняки, голоштанники объявили себя дворянами и работать не хотят и не будут. Кириллов еще говорил, что до сих пор потеряли более всех именно зажиточные крестьяне.

Что же, правда: бедняк меньше потерял. Но почему? Потому что ему терять было нечего. Славно сказано, что рабочему классу терять было нечего, ведь у него ничего не было, кроме цепей. Наконец, кто больше всех потерял в России? Царь Николай Романов. Он потерял корону, земли, потерял множество богатств. Много было, он много и потерял. Неужели кто-нибудь станет причитать: какой он бедненький, больше всех потерял! Тот крестьянин, у которого было 100 дес. земли, лавка, закрома, трактир и пр., конечно, кое-что потерял. Так разве плохо, что он потерял? Или в самом деле лучше было, когда было 5 человек богачей, а все остальные прозябали в отчаянной бедности? Зажиточный крестьянин, богач, кулак, уже кое-что потерял из своей шерсти, правда, но он потеряет еще побольше. Вырван только один-другой клок шерсти, а надо, чтобы вылиняло все! Чтобы 200 миллионов народа жили в довольстве, надо всех тех, кто для себя прикарманивал большие имущества, ободрать. И жаловаться на то, что больше всех потеряли зажиточные, нечего.

Согласен, что есть бедняки, которые пытаются на своей бедности сделать себе шубку. Дескать, я бедный, я от этого выиграю, пускай другие работают. Но кто решится сказать, что все или большинство крестьян-бедняков так рассуждают? Это

смешно. В каждом стаде есть несколько паршивых овец, да нельзя же представлять всю многомиллионную крестьянскую бедноту состоящею из лежебоков и плутов. Это было бы клеветой на деревенскую бедноту. И в Красную армию крестьянская беднота давала людей. И не может же крестьянская беднота возлагать всю работу на маленькую кучку богатеев. В деревне есть лодыри, надо притянуть их; но вся масса крестьянства в этом неповинна.

Да, товарищи, действительно, человек, который раньше был беден, имеет теперь маленькие преимущества. О нем больше заботятся, пекутся. Что же, это плохо, что ли, или надо по старому, чтобы только о богачах правительство думало? Разве плохо, что роли переменились, и главная забота, главное внимание и любовь Советского правительства обращены прежде всего на бедняков?

Недавно мне рассказали такой случай. Под городом, в одной деревушке наш товарищ остановился; у него случилась поломка; ребятишки собрались вокруг, и он стал их расспрашивать, „как на счет хлебца". Ему отвечает мальчик: „мало, дяденька, есть нечего!" Другого мальчика спрашивает, а тот в ответ,—что „ничего, жить можно". Тогда первый мальчик и говорит: „Ему хорошо, он из бедняков, им теперь хлебца дают, а у наших берут"... Неужели же зазорно, что у богачей берут, а беднякам дают? Крестьяне наших Гореловок и Нееловок голодали десятилетиями, а теперь Советская власть хочет переделить земные блага так, чтобы не было в одном месте густо, а в другом пусто. Ну, конечно, случается много ошибок, не сразу можно все сделать, это не так просто, труд-

ностей миллион; но разве худо, что Советская власть заботится в первую очередь о бедняках у которых ничего не было, которые трудились, чьи дети находились в отчаянном положении, кто вымирал?

Обижаться рядовой крестьянин не может на такие порядки, а надо только подумать о том, чтобы неправильности, которые есть, устранить, и ни в коем случае не обрушиваться на распределение, которое есть, которое вызвано жизнью, десятками лет развития...

IV.

Таким образом я ответил на главный вопрос который ставился здесь. Дело не в руготне и н, в том, что кто-то кого-то хотел оскорблять, а в том, чтобы посмотреть правде в глаза и решить, что надо сделать для уравнения деревни с городом. А второй вопрос, вызвавший более всего страстного к себе отношения, это—о взаимоотношениях между рабочими и крестьянами.

Говорилось тут, что, дескать, рабочие—это белая кость,—привилегированное сословие, о них заботятся, а о крестьянах не заботятся. Даже иные поняли мои слова так, будто бы я заявил, что крестьяне мало страдали, а страдали только рабочие. Конечно, я не мог говорить, что крестьяне мало страдали. Слава богу, они страдали больше, чем нужно. Не в том дело, кто больше страдал. За исключением 130.000 помещиков, которые как сыр в масле катались 300 лет, весь русский народ страдал; и никто и не помышлял здесь утверждать, что крестьяне мало принесли жертв революции.

Еще некоторые из вас укоризненно спрашивали: „что же рабочие, где же они были? Когда враг подошел к Питеру, они пошли его защищать; а где же они раньше были?“

Так, ведь, товарищи, может говорить только тот человек, который не знает, как шла революция. Где были рабочие раньше? От Питера до Ростова доброе расстояние, а питерские рабочие бросались защищать Ростов от царских генералов—от Алексеева и Каледина еще два с половиною года тому назад. По статистике, по точному вычислению, из Питера выбыло 280.000 человек рабочих. Куда же они ушли? Стали фабрикантами, заводчиками, кулаками? Они ушли в армию и частью ушли в деревню—работать среди вас. Они умирали десятками тысяч на всех фронтах, под Ростовом, Екатеринбургом. Пермью, где-угодно. Где только нет косточек русских рабочих! Я не говорю, что крестьянство отставало. Я говорил в самом начале, что Красная армия—организованный союз рабочих и крестьян. Без этого не было бы Красной армии. Но надо знать, что рабочий свой долг так же сугубо выполнил.

А на счет того, что рабочие работают по 8 час., а крестьяне по 16 часов—то если бы вы только знали, что̀ делается в некоторых рабочих уголках! В одном Донецком бассейне что̀ претерпели шахтеры! Генерал Деникин истребил их целыми поколениями, он вырезал целые семьи рабочих; а уцелевшие по восьми месяцев не получали жалованья, и в богатейшем крае пухли от голода. И все же они ревностно стояли и стоят за Советскую власть; измученные за время пребывания царских генералов. они ходят, как живые тени. Каждый из них

видел десять раз смерть в лицо. Это вы читаете в их глазах. А уральские рабочие, которых истреблял Колчак? Как же можно выходить и говорить, что крестьяне работают 16 час., а рабочие только 8 час.?..

Спрашивали тут также, почему, когда наступают летние полевые работы, крестьянам не дают возможности работать на своем хозяйстве. В самом деле—трудный вопрос. Я прекрасно знаю, что̀ значит для человека земледельческого труда, для настоящего пахаря, когда пригрело солнце, запахло черноземом и когда надо ему идти или выезжать в поле, его вдруг тянут в другое место—защищать государство, строить будущее счастье народа, отбивать белого врага или польского пана.

Это мучительно и ужасно! И однако—неизбежно. Сравните. Питерский рабочий после четырех лет царской войны, после утомительной гражданской войны просит Советскую власть хоть на две недели отпустить его в деревню. Кажется, законное требование, ничего против него не возразишь, но можно ли ему дать отпуск? Мы не даем и говорим: „милый друг, знаем, что ты не две недели заслужил, а два месяца отдыха, мы знаем прекрасно, что ты изголодался, измучился, но посмотри, что делается! Сотни подорванных мостов, целые кладбища вагонов, которые надо пустить, фабрики и заводы, которые тоже стоят. Тебе тяжело, но, скрепя сердце, потерпи еще немного“. И он терпит...

Нам надо пустить фабрики и заводы—для чего? Чтобы наживаться? Нет, для того, чтобы с фабрик и заводов все повезти в деревню. Рабочим тяжело так же, как и крестьянам. И смешно людям труда торговаться и взвешивать на аптекарских весах,

кто больше пострадал—на одну унцию или на две. Одинаково пострадали. Борются одинаково за великое дело, приносят громадные жертвы. И надо не только друг другу завидовать, а думать, как бы помочь друг другу выйти из трудного положения. По вопросу о союзе рабочих и крестьян сказано, кажется, достаточно.

V.

Были среди вас и такие, которые, повидимому, не знают, как относиться к нашей гражданской войне, и спросили нас,—правильная она или нет,—т.-е. война против богачей, царских генералов и помещиков была правильной или неправильной?

Товарищи, если бы мы не вели этой войны, где были бы теперь ваши хозяйства? Правда, теперь земля часто стоит не обработанной, но пройдет год или два, и вы обработаете землю; она будет вашей. Наконец, вы еще потерпите, предположим, а земля все-таки останется вашей, ибо об этом мечтали 300 лет ваши отцы и деды, то была их лучшая мечта; и вы же защищали эту землю, и вы же принесли ей громадные жертвы. Война—тяжкая вещь, она стоит множества жизней, крови, вами потеряна масса добра, всякого имущества. Как же после всего этого можно ставить серьезно вопрос, была ли правильной эта война?

Товарища Павлова и его совопросников я не обвиняю в белогвардейщине. Но подумайте сами. Если бы разбойник взял меня за горло, а я стал бы отбиваться, и отбился бы, то только сумасшедший может спросить меня: правильно ли было, что я против разбойника стал отбиваться; может быть, лучше было бы проповедь прочитать разбойнику,

может быть, он помиловал бы. А разве Деникин не тот же разбойник? Вы видали белых в Гдове и в Ямбурге, разве они не самые обыкновенные разбойники, на глазах у маленьких детей вешавшие крестьян? Война была необходимой, правильной; или сам ложись в гроб.

И точно также несостоятельно мнение, будто вместо мобилизации, справедливее было бы набирать добровольцев в армию. Неужели, товарищи, вы все добровольно пошли бы? Вы люди хозяйства, дела, люди жизни, вы имеете большой опыт. Кто поверит, что мы могли бы большую, собственную, рабоче-крестьянскую армию набрать добровольческим путем? В маленьком селе, когда там нужно назначить ночного сторожа, и то вводится вами дежурство с обязательной повинностью. Никто добровольно не хочет дежурить всю ночь. Много ли нашлось бы таких добровольцев? А служить в армии—это дело будет почище. Не только ночь нельзя проспать, там можно ночуя и голову потерять. Тяжелое дело. Самый честный человек способен подумать: дело правое, справедливое, но, пожалуй, и без меня обойдется, останусь-ка я около семьи и хозяйства. Без мобилизации набрать армию нельзя: было время, хотели добровольно создать армию, и волостной комитет должен был вызывать желающих; но сами крестьяне запротестовали. И они были правы. Вот почему я считаю это возражение совершенно праздным. Нельзя нам иметь армию иначе, как путем той повинности, которую мы вводим. Военных тягот будет, впрочем, гораздо меньше, когда мы перейдем к системе милиции. О том, что уже переходим, вы могли читать в газетах. При системе милиции сроки службы будут

короткие. Теперь красноармейцы служат без срока и неизвестно, когда вернутся домой; никто этого не мог сказать. И мы не могли сказать, потому что не знали, когда кончится война. Милиция значит—всеобщая воинская повинность рабочих и крестьян с самым коротким сроком службы. Может быть, с шестимесячным, а впоследствии еще более коротким сроком. Мы так поставим дело, что трудящийся человек, рабочий и крестьянин, будет одновременно и вести свое хозяйство, и обучаться военному делу. Может быть, даже только шесть недель он будет числиться в милиции. Это гибкая форма военной организации. Мы идем навстречу тому времени, когда эта повинность не будет тяжелой, как это было до сих пор.

Но, оглядываясь назад, мы должны сказать: мобилизации были неизбежны для тех, кто хотел бороться за свою землю, кто хотел отстоять свою власть. Это не шутка. Вы знаете, сколько у нас было врагов? У нас полмира было врагов, вся буржуазия, все капиталисты, и русские в том числе. И раньше, чем расстаться со своими поместьями, с вишневыми садами, с дворянскими гнездами, с теплицами, со своей роскошью, богатством, с конными заводами и пр., они стали бы отбиваться руками, ногами, царапаться, кусаться. Они и отбивались. И вот, для того, чтобы отстоять это, надо было иметь силы, силы и еще раз силы организованной армии.

Как же можно приходить на серьезный крестьянский съезд целой губернии со словами: „да, старое правительство было плохо, но и теперешнее тоже плоховато". И все потому, что оно делает всеобщую мобилизацию! Что бы вы сказали о вашем

правительстве, если бы оно не сделало всеобщей мобилизации, если бы оно прозевало вашу землю, если бы оно, спустя рукава, вело дело и предоставляло бы воевать добровольцам? Если бы в это время естественно нас вздули бы белые? И вы бы сидели в тюрьмах? Да вы проклинали бы правительство, оказавшееся неспособным отстоять ту землю, которую ему поручено было отстоять.

Как могли мы, в самом деле, провести эту страшную войну с целыми полчищами разбойников, окружавших нас со всех сторон, иначе, как создав твердую Красную армию со всей тяжестью дисциплины, которая ложилась на каждого красноармейца? Такое правительство, которое не сделало бы этого, оно продало бы революцию и заслужило бы с вашей стороны презрение, и вы бы прокляли его.

Так что, если кто, набравшись смелости, сравнивает нынешнее правительство рабочих и крестьян с проклятым правительством богачей и помещиков, то он сначала пусть подумает, а потом скажет, а не наоборот, и должен привести более веские доводы. Военные мобилизации в счет не могут идти. Да если бы не было этих мобилизаций, вы бы должны были заставить ваше правительство мобилизовать вас, или гнать его в шею, потому что иначе пришлось бы быть бычку на веревочке: расплачивались бы вы своими боками десятки лет и кланялись бы грабителям белогвардейцам.

VI.

Мы почти кончили борьбу, и началось вроде дележа между победителями. Бывает так, что добьют врага, а потом давай делить, и при дележе

начинаются передряги, кому что достанется. Я думаю, что нам не годится так делать. Начинается дележ между рабочими и крестьянами, и крестьянин боится, как бы его не обидели. Это недостойиый страх. Рабочие принесли не менее жертв, чем крестьяне, [illegible]

Возьмем, в заключение, продовольственный вопрос. Ведь от него стонут все в течение трех лет. Здесь товарищи говорили по этому вопросу и жаловались, что соли нет. Действительно, у нас соли нет, не было возможности ее привезти, ибо все соляные источники были не в наших руках. Теперь они в наших руках, и дело лишь в том, чтобы соль подвезти с помощью рабочих и крестьян. Трудно, когда крестьянину одного фунта соли не добыть, тогда как раньше он добывал его за три копейки. Но как товарищ мотивировал свое трудное положение? Он сказал буквально так: „Что же, вы знаете наше житье, мы, главным образом, на молоке живем. Иной раз зарезал бы теленочка молочного, но не можешь, потому что соли нет, мясо испортится“. Я сочувствую. Все же хорошо, что был теленочек. А у питерского рабочего ни соли, ни теленочка не было и нет. Вы подумайте, что̂ сказал бы голодный питерский рабочий, что сказали бы его жена, дети, если бы они услышали это? „Зарезал бы теленочка, да соли нет“,—а питерский рабочий годами не видал в глаза теленочка! Конечно, не такая большая роскошь, если раз в год зарежешь теленочка, да надо считаться с общим положением страны, когда мышенка нельзя было в городе поймать, не только теленочка.

Рабочие находились в самом отчаянном положении. Смешно было бы нам друг другу глядеть

в рот и считать куски. Мы—взрослые люди, мы проделали величайшую революцию не для того, чтобы друг другу завидовать из-за лишнего полуфунта соли или мяса. Конечно, тяжело, когда нельзя достать соли. Каждый из вас может быть недоволен и может сказать: „Достаньте соли, потрудитесь соль достать". Вы имеете на это полное право. Но нельзя изображать дело так, что на одной стороне казанские сироты крестьяне, а на другой стороне рабочие как сыр в масле катаются и работают только восемь часов. Это неверно, это не так. Вы знаете, что рабочие работают по 10—12 час., что добровольно устраиваются субботники и воскресники, и рабочие превращают праздник 1-го мая в праздник труда. Рабочий работает так, что вытягивает у себя последние жилы, работая добровольно, не из-под палки, ибо он понимает, что надо вырваться из создавшегося положения. Зачем указывать на сучок в глазу соседа, а в своем глазу не замечать бревна? Не для того мы собрались, чтобы друг друга укорять.

Раньше крестьянин нес барщину на помещика и считал, что так от бога положено, что помещик должен иметь все, а крестьянин ничего. Тогда это не резало глаз. А теперь кажется, что рабочий пользуется привилегией, что у него на один кусочек больше, и начинается зависть, соревнование, попреки в неравенстве и т. д. Раньше терпели, действительно, настоящее неравенство, когда маленькая кучка тунеядцев сидела на шее миллионов. А теперь трудно сказать, кому хуже, рабочему или крестьянину, и кто больше приносит жертв. Как ни велики жертвы, как ни голодно, но вы должны будете сказать, что деревня все-

таки голодает меньше, чем рабочие. Никто не спорит против того, что вам живется плохо, но не забывайте, в каком положении находятся и рабочие. Я сказал, что прошлой осенью, когда созрела картошка, некоторые подгородные кулаки снимали за 5 фун. картошки пиджак с питерского рабочего. Среди вас много питерцев подгородных. Что же, разве я сказал неправду? Я сам знал десятки питерских рабочих, которые оставляли пиджак за пять фунтов картошки. Конечно, все крестьянство и ваш съезд не отвечает за кулаков и мироедов, которые отбирали последнее у рабочих за пять фунтов картошки. Но чего же обижаться! Я не говорю про тех, кто и не думал раздевать рабочего, кто помогал рабочим, а я говорю про тех, кто раздевал рабочих.

Вы прекрасно знаете, что питерские рабочие еще 9 января 1905 г. были расстреляны сотнями только за то, что требовали земли для вас и фабрик для себя. То же самое было и в 1917 году. Разве заслужили они, чтобы последний пиджак снимали с них? Я сказал, что в этом году мы этого не допустим. И думаю, что и вы не допустите, и нам поможете, и сделаете для рабочих возможным продолжать работу, а вам получать от рабочих то, что вам надо.

VII.

Я говорил в самом начале, и этим закончу, что есть одна великая идея, есть мысль, от которой зависит вся судьба нашей революции. Эта простая мысль заключается в том, что между крестьянами и рабочими нужен тесный союз, между крестьянами-бедняками и середняками с одной стороны и

рабочими с другой стороны, нужен братский союз, нужно, чтобы это были два коня, которые везут одну повозку и знают, куда везут, и дружно везут, не переминаясь с ноги на ногу. Оттого, что не было союза в 1905 году, погибла революция. Главное нужно, чтобы союз, который был в Красной армии и который был еще до этого в форме нашей борьбы против помещиков, чтобы этот союз не только не слабел, но крепнул. Не надо воображать, что мы убили медведя, а теперь начинаем его делить. Мы близки к тому, чтобы убить белого медведя. Но, прежде чем снять с него шкуру, надо добить его хорошенько, а потом мы, может быть, что-нибудь из шкуры и сошьем.

Мы получили громадное наследство, богатейшее хозяйство в свои руки, хотя и разоренное, и мы должны на хозяйственном фронте создать такой точно тесный братский союз, как в Красной армии. И мы будем годами работать, раньше чем, действительно, все это хозяйство сможем взять в свои руки и по-новому перестроить.

Когда я слышу отдельные жалобы, что там у вас отняли лошадь, тут сделан арест неправильно, взята неправильно контрибуция, то я удивляюсь не тому, что такие случаи есть, а что их становится мало, все меньше.

Потому что вспомните, что мы пережили, сколько у нас неграмотных, сколько десятков лет нас нарочно разъединяли, разжигали друг против друга, сколько у нас было темноты, предрассудков, сколько было трудностей! Подумайте только: чтобы обслужить Советскую Россию, сколько надо было честных людей и работников и как мало их. Для чего мы собирали съезд? Для того, чтобы

сказать вам: если плохо, помогите нам, дайте нам лучших людей в Советы волостные, губернские, уездные. Разве мы закрываем перед вами двери? Мы созываем эти съезды для того, чтобы услышать критику правильную, перезнакомиться с вами, сблизиться, чтобы новые люди друг с другом сошлись и могли бы встать на новую работу.

А работы непочатый край. Нужны десятки, сотни и тысячи работников, чтобы взять в свои руки громадное хозяйство и направить к светлой цели.

Я кончаю и думаю, что те вопросы, которые вы будете рассматривать, вы рассмотрите под одним углом зрения: выиграет ли от этого братский союз рабочих и крестьян или нет. Вы будете обсуждать продовольственный вопрос, вопрос народного образования, распределения лошадей, о различных повинностях. Но какой бы вопрос ни встал, вы прикладывайте к нему одну мерку: будет ли это лишней трещиной между рабочими и крестьянами, или, наоборот, не сгладит ли это трещину, не сблизит ли рабочих и крестьян. Если получится бо̂льшее сближение, если будет более крепкий, надежный союз, тогда мера эта верна. Помните урок 1905 года, смотрите на уроки других стран, на уроки Украины, Архангельска, Донецкого бассейна, Сибири. Довольно заплатили мы кровью за свои ошибки. Надо помнить святую заповедь: рабочие и крестьяне—один союз, и союз этот должен быть нерасторжимым навеки. (*Аплодисменты*).

